

Вседснис

ПАДАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

13 августа 2018, 6:30

Я падаю. В мгновение ока. Из вертикального положения в горизонтальное. Отворачиваю голову, чтобы не удариться лицом о плитку на полу кухни. Что это было? Приподнимаюсь на правом локте, собираясь перенести вес на левую сторону и подняться. Сюрприз: я не чувствую левой руки. Шок отступает, и становится ясно, что мне нужна помощь. Ползу на животе к настенному телефону — я раненый в руку десантник, которому надо пробраться под столом, переправиться через свободное пространство пола, пропетлять между ножек стульев, волоча при этом за собой, как мешок с песком, левую руку, которая по-прежнему не шевелится и ничего не чувствует.

* * *

Прожив тридцать лет с болезнью Паркинсона, я сумел заключить с ней нечто вроде пакта. Да, у нас есть своя история. Я довольно быстро понял, что контролировать ее не могу — могу только понимать, хоть и для этого требуетсѧ гибкость и настойчивость. Паркинсон напоминает частые и болезненные джебы в боксе, с которыми можно жить, если научиться уклоняться. Но внезапно к ним добавился хук — удар, на некоторое время сбивший меня с ног. Безотносительно болезни Паркинсона у меня нашли опухоль в позвоночнике. Она оказалась доброкачественной, но ограничивала движение, грозя полным параличом. Опасная сама по себе, она потребовала еще и рискованной хирургической операции, которую мне сделали ровно за четыре месяца до этого мгновения на кухонном полу. В процессе тяжелого восстановления и реабилитации я сменил инвалидное кресло на ходунки, а ходунки — на трость и вот, наконец, стал самостоятельно ходить. И тут вдруг это.

Днем раньше я прилетел на Манхэттен с Мартас-Винъярд, прервав наш летний отпуск. Трейси волновалась, как я буду в Нью-Йорке один. Я пока что, как мы с ней выражаемся, «плоховато держусь на ногах». Но меня пригласили поучаствовать в фильме, который продюсирует Спайк Ли, сняться в эпизоде в Бронксе, что сулило краткий миг независимости. «Вернусь через два дня, — пообещал я. — Оставь мне лобстера».

Скайлер, одна из наших 25-летних дочерей-близнецов, тоже возвращалась в город по работе, так что мы с ней прилетели вместе. Она осталась у меня на ужин — мы заказали

домой пасту и съели ее, сидя за кухонным столом. Подбирая вилкой остатки, она задала мне вопрос:

— Ты снова будешь работать — как ощущения?

— Даже не знаю. Вроде нормальные.

— Но ты *нервничаешь*, Дру?

Все мои дети называют меня так — не *Друг*, *Дру*.

Я самодовольно улыбнулся.

— Эй, это же моя работа! Моя профессия.

Скай предложила остаться и заночевать в своей старой комнате, чтобы приготовить мне утром завтрак и помочь собраться на съемки.

— Детка, я тебя люблю. Я делал это миллионы раз. Поезжай к себе, отдохни. Со мной все будет в порядке.

— Ладно, — сказала она, — но обещай, что не будешь ...

— Ходить с телефоном в руке, — закончил я за нее.

Она улыбнулась. Это был ласковый упрек, вполне заслуженный. Мне прекрасно удается ходить и жевать жвачку, но хождение с мобильным в руках я так и не освоил. Тут моя координация отказывает.

— Договорились.

Я обнял ее на прощание и посмотрел, как за ней закрылись двери лифта. Впервые за долгие месяцы я остался один.

* * *

Какова бы ни была причина падения, само оно оказалось резким и стремительным. Я *упал* и — как несчастная пожилая леди, распластавшаяся у подножия лестницы возле корзины со стираным бельем, — *не могу подняться*. У меня

есть теория относительно боли: если она следует непосредственно за травмой, то это неопасно, но, если боль усиливается спустя несколько минут, жди беды. И вот теперь я начинаю ее ощущать.

Попытка перенести вес на левую сторону приводит к двум открытиям. Первое — по онемевшей руке пробегает вспышка боли; второе — я понимаю, что мобильный телефон у меня в кармане. Я сунул его туда, прежде чем зайти на кухню. (*Скайлер, обрати внимание — он не был у меня в руке.*) Сначала я думаю позвонить Трейси, но она в пяти часах лета, на Мартас-Виньярд, и мне не хотелось бы ее пугать. Вместо нее я звоню своей помощнице Нине, которая хватает такси и через пять минут уже мчится ко мне.

Странно, но мне вспоминается Джимми Кэгни — както раз, в первый день съемок в новом фильме, он отправил мне записку: «*Будь вовремя, выучи текст и не натыкайся на мебель*». В это утро я следовал расписанию и знал все свои реплики назубок, но с третьим пунктом вышла промашка.

Дожидаюсь Нину, лежа на кухонном полу. Я сильно раздражен, жалость к себе нарастает по экспоненте. Пытаюсь как-то переварить это дерзкое происшествие, но обычные успокоительные приемы и аффирмации не срабатывают. Открутить все обратно нельзя. Я охвачен болью и сожалениями. Тут нельзя найти никаких плюсов, нельзя принять ситуацию и двигаться дальше. Я ощущаю нечто большее, чем разочарование и злость, нечто сродни стыду — неловкость. Каждый день с той опера-

ции на позвоночнике в апреле все вокруг — врачи, родные и друзья — повторяли мне раз за разом: *единственная твоя задача — не упасть*. И вот я упал.

Инцидент на кухне свалил меня с ног в прямом и переносном смысле слова. Дело даже не в боли — я испытывал ее множество раз. Я пережил массу ударов: и камней, и стрел. Но этот кажется каким-то очень личным.

Сделать из лимонов лимонад? К черту — меня не интересует лимонадный бизнес.

Глава 1

МУЖ И ОТЕЦ

Сэм — единственный из наших детей, родившийся до того, как мне поставили диагноз болезнь Паркинсона. Я точно знаю, что он об этом не помнит; думаю, он этого даже не знал. Я делал все, что обычно делают отцы: ловил с ним лягушек в пруду, ходил на музыкальные занятия для родителей с детьми по системе Орфа с суперсерьезными нянями, пытался его увлечь командными видами спорта, хоть мне это и не удалось (слишком много было контраргументов). Я учил Сэма завязывать шнурки «по-кроличьи»: поднимаем одно ушко, обматываем другим концом, пропускаем его под петлей, и — *on!* — второе ушко. Я бегал за его велосипедом, осторожно подталкивая сзади, пока он не набрался смелости и не стал крутить педали сам. Теперь иногда Сэм катает меня —

на инвалидном кресле. Но мне педали крутить не надо. Когда я осторожно поднимаюсь, сын проверяет шнурки у меня на ботинках и, если надо, ловко перевязывает их — не зря я его учил.

Единственная проблема с моим первенцем была во времени. Куда больше, чем начинающаяся болезнь Паркинсона, на его жизни сказался другой временной интервал — Сэм родился за три года до того, как я перестал пить; трезвости я придерживаюсь до сих пор. Слишком много наших с ним коротких минут было потрачено на общение с *Miller*. Он говорит, что в числе его самых первых воспоминаний то, как я отправлял его к холодильнику за пивом. Я не помню, чтобы мое пьянство как-то угрожало Сэму или Трейси, но алкогольная зависимость постепенно росла.

Я настаивал на том, чтобы завести детей как можно раньше после свадьбы, стремясь воплотить архетипический образ мужа и отца. Любой промежуток между этими двумя событиями казался мне слишком длинным; быть мужем, но не отцом, не имело для меня смысла. Трейси наверняка испытывала колебания и сомнения, но я игнорировал эти ее чувства, не сознавая, что материнство подорвет ее начинающуюся карьеру.

Те наши первые ошибки имели серьезные последствия: внезапно мы оказались на скользком льду. Мне нравилось отцовство, и я любил своего сына, но в каком-то смысле только притворялся настоящим отцом. Удивительно, что Сэм, которому в детстве пришлось нелегко, вырос таким жизнерадостным. Для своего возраста он казался чересчур колючим и угрюмым. Я мало чем мог помочь. К тому же

я пил, а когда заболел Паркинсоном, то к моим внутренним метаниям добавилась еще и физическая дрожь. Надо было что-то менять.

Мне показалось вполне логичным предложить Трейси завести еще одного ребенка. В ответ она с изумлением помотала головой: «Ты что, шутишь?» Ее сопротивление объяснялось отнюдь не боязнью передать болезнь по наследству, потому что тогда об этом еще не знали, или опасениями относительно того, как я справлюсь с ролью отца-инвалида. Зато ее пугал мой алкоголизм и психическое состояние, которое едва-едва позволяло мне выживать. По работе я часто путешествовал, но одиночество в дороге нельзя было даже сравнить с ощущением изоляции в собственном доме. Я чувствовал себя оторванным от семьи и не понимал, что являюсь сам тому причиной. Я ходил мрачный, сомневался в будущем нашего брака, моей карьеры и — с учетом недавнего диагноза — в том, что она вообще продолжится.

Наконец, после одной особенно отвратительной ночной попойки, я проснулся на диване, с рукой на полу, возле пролитой банки пива и увидел над собой лицо Трейси. Она посмотрела мне в глаза и спросила: «Так вот чего ты хочешь?» В ее голосе не было злости, и именно это заставило меня раз и навсегда изменить свою жизнь. В нем была скука. Она тогда дико меня напугала. Трейси до смерти надоело все это пьяное шоу.

Я начал регулярно посещать встречи анонимных алкоголиков и ходить на сеансы к Джойс, талантливому юнгийскому психотерапевту, которая помогла мне справиться с той ситуацией и продолжала помогать еще много лет. По-

степенно я научился принимать и понимать мою новую болезнь. Я мог бросить пить, но с Паркинсоном мне предстояло жить до самого конца. Знания, методики и инструменты, которые давала программа анонимных алкоголиков, указали мне путь и в борьбе с болезнью. Я много работал, чтобы стать не просто собой прежним, а лучшей версией себя.

Спустя шесть лет после нашей свадьбы, четыре года после того, как у меня нашли болезнь Паркинсона, и три года моей трезвости я понял, что заново обрел глубокую связь с моей невероятно терпеливой и любящей женой. И в том же 1994 году Трейси забеременела — близнецами, чтобы сразу наверстать упущенное время (а может, Бог так над нами подшутил). Люди почему-то считали позволительным спрашивать нас, стоит ли заводить детей, когда у меня прогрессирующее неврологическое заболевание, и не боимся ли мы передать его по наследству. Конечно, можно было ответить, что это не их дело, но мы отвечали так: нас это не беспокоит, и вы тоже не беспокойтесь.

Делить на два или умножать на два?

В утробе близнецы вели себя не лучшим образом. Трейси искусственно вызвали роды за месяц до срока из-за осложнений. Близнецовая трансфузия означает, что один из детей лучше снабжается кровью через плаценту и набирает вес, а второй постепенно слабеет. Так что мы выбрали дату (тем самым наплевав на астрологию), и близнецы появились на свет. Конечно же, Младенец № 1 родился бледным

и слабеньким, весом меньше двух килограммов, а за ним через восемь минут последовал Младенец № 2, упитанный и красный, как помидор — и, могу поклясться, она в тот момент улыбалась. До сегодняшнего дня (а им уже 25 лет) Младенец № 1, Аквинна, — красивая, забавная и умная, нисколько не жадная и не эгоистка, всегда знает, чего хочет и как этого добиться. Из них двоих она куда более независимая и решительная. Младенец № 2, Скайлер, — тоже красивая — *оны же близнецы*, — сообразительная, щедрая и готовая делиться. Временами она куда больше заботится о других, чем о себе. Подозреваю, она испытывает комплекс вины за то, что была такой плохой соседкой по животу. Аквинна давно простила сестру за то, что та пыталась ее убить. Мы не вмешивались. Они сестры, сами разберутся.

Конечно, болезнь Паркинсона уже сказывалась на мне, когда Сэм, Аквинна и Скайлер были маленькими, но они воспринимали это нормально. Обстановка в семье наладилась, и мы, без всяких сомнений, приняли решение родить четвертого.

Мы с Трейси прекрасно помним тот наш разговор. Вечеринка в честь пятого дня рождения близняшек только что закончилась, гости разошлись. Мы с Трейси, вконец измотанные, присели передохнуть. Наслаждаясь бокалом вина, пока я потягивал свою диетическую колу, Трейси подмигнула мне и спросила:

— Знаешь, о чем я думаю?
— Знай я, о чем ты думаешь, моя жизнь была бы куда проще, — честно ответил я.

Она рассмеялась.

— Просто у меня такое чувство, что здесь кого-то нет.

Я обвел рукой комнату.

— Ну, праздник же закончился. Да и угощений не осталось.

Трейси объяснила — если так можно сказать:

— Просто в нашей квартире не так шумно, как хотелось бы.

Мы провели подсчеты, и к нам добавилась Эсме.

Для Эсме Паркинсон стал не только константой нашей семейной жизни — она наблюдала также за появлением и развитием Фонда Фокса, финансирующего медицинские исследования. Я для нее — и общественный активист, и свободный родитель, по сути, пребывающий на пенсии.

Словно по заказу у нас появился идеальный ребенок для того, чтобы последним покинуть отчий дом, когда остальные отправятся в колледж. Одним из преимуществ жизни рядом с Эсме является то, что она совершенно точно не впервые появилась на этой планете. То, сколько она читает и как пишет, свидетельствует о глубинном понимании человеческой природы, невероятном для человека ее возраста. Тем не менее она приходит к нам за советом. Я не говорю ей этого, но она внушает мне трепет. Она легко и свободно принимает все странное и необычное, ее ничто не пугает, и никакие люди, никакие места, никакие предчувствия не могут сбить ее с избранного пути. Мы думали, что Эсме вместе со старшими детьми будет ездить в летний лагерь. Однако наша младшая дочь, в свои восемь лет, приняла другое решение. Она отвергла тот лагерь, объяснив, что у нее аллергия на арахис, а ее независимое исследование показало, что в лагере не уделяется должного внимания пищевой

непереносимости. Поискав в Интернете, она самостоятельно вступила в переписку с другими, более подходящими лагерями; и один из них, лагерь Уолта Уитмена в Нью-Гэмпшире, понравился ей сильнее всего. Могу поспорить, что и самого Уолта Уитмена, великого поэта и оптимиста, она тоже полюбила. В общем, нам ничего не оставалось, как согласиться. Такова уж Эсме.

Путешественники во времени

У нас с Трейси есть теория относительно наших детей: они — машины времени. С беспощадной быстрой поток их жизни влечет нас вперед — рождение, школа, друзья, праздники, кризисы, реальные и надуманные, социальные сети, выпускной, колледж — и вот мы уже сидим в пустом доме, где в комнатах остались игрушечные мишки, плакаты рок-групп, груды игровых приставок, одежда, которую нельзя выбросить, но которую никто больше не будет носить, и девичьи туфли, за которые еще недавно шла борьба, а теперь им место в мусорном ведре. Ты хочешь повернуть время вспять, чтобы побыть с ними дольше. Хорошо, что моя жена оказалась достаточно мудрой и поняла — это время для нас. Нам надо замедлиться. Найти собственный ритм.

Странно, но тут я вижу связь с Паркинсоном: в каком-то смысле болезнь стала для меня подарком (хотя она больше забрала, чем дала). Скованность, сопровождающая каждый мой день, каждую секунду, каждое движение, каждую мысль,

замедляет меня до скорости улитки. Все мои секунды и минуты строго отмерены, я внутренне проговариваю каждый свой шаг. Я даю себе время. И время не забирает меня.

Пустое гнездо

Сэму уже за тридцать. Я сам не знаю, как и когда это случилось, но он превратился в полностью самостоятельного взрослого человека. Свою работу в его отношении я исполнил. Поскольку женщина, в которую я влюбился — его мать, — несет в себе великолепные гены, за мной остался лишь дарвиновский долг любого отца, и вот на свет появилась более рослая, более умная, более забавная и привлекательная версия меня.

Я не закончил старшую школу со своим классом 79-го года набора (выпуск 93-го), поэтому не знал, о чем говорить с взрослеющим сыном, когда он поступил в колледж. Я не мог поделиться с ним опытом или дать совет, как вести себя с другими студентами; все, что я знал, — это пара случайных баек, почерпнутых на вечеринках университетских братств, которые я посещал в самом начале актерской карьеры в Лос-Анджелесе. (Правило № 1: внимательно следи за своим стаканом с пивом.) Все это казалось мне нереальным; сколько бы я ни посещал кампусы вместе с Сэмом и не читал бланки вступительных анкет, меня все равно потряс тот факт, что мой сын уехал. Меня это даже разозлило.

У нас с Сэмом особая связь. Не только обычная, как между отцом и сыном, и не та, которая возникает между

родителем и повзрослевшим ребенком. Наша связь основана на общих интересах и идеях: походах по лесам Вермонта и Коннектикута, любви к рок-музыке от Фрэнка Заппы до *Led Zeppelin* и *Jay-Z* и увлечении политикой, в которой он придерживается еще более левых взглядов, чем я. А еще мы оба тяготеем ко всякому абсурду (напоминаю про политику и Фрэнка Заппу).

Сэм был моим верным спутником, приятелем, соседом. И вот он уехал. Я знал, что это просто колледж, но все равно — его не было. Мы готовили наших детей к отъезду, и тут вдруг они действительно начали уезжать. Они возвращались домой на пару дней, стирали у нас белье, но больше времени проводили со старыми друзьями. Если честно, это просто пытка. Мы и гордимся, и волнуемся, и боимся, что без нас они не справятся, а потом поражаемся, когда им это удается. Они начинают строить собственное будущее, а нам вдруг открывается простой факт, что мы смертны.

* * *

Как бы сильно я не любил жену и трех наших дочерей, после отъезда Сэма на Западное побережье я утонул в море эстрогена. В то лето я понял, что остро нуждаюсь в новом друге, и тут на доске объявлений у входа в супермаркет *Chilmark* на Мартас-Виньярд мне на глаза попалась фотография.